

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (4)

2013

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдигов

доктор исторических наук Ю.А. Зеленева

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2013

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2013

© Редколлегия журнала «Поволжская археология», 2013

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E. P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A. E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V. M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologic.pro>

© Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 2013

© Mari State University, 2013

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Editorial Board of Journal, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Зеленцова О.В., Ситдииков А.Г. К юбилею археолога
(Ю.А. Зеленева – 60 лет) 6

Статьи

Никитин В.В. Некоторые проблемы раннего неолита
лесной полосы Среднего Поволжья 11

Соловьев Б.С. Культурные компоненты Усть-Ветлужского могильника 18

Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии
эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье.
Полевые исследования 40

Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии
эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье.
Кабинетно-аналитические исследования 64

Яблонский Л.Т. Раннесарматский рыцарь 104

*Демкин В.А., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Ельцов М.В.,
Удальцов С.Н., Каширская Н.Н.* Подкурганые палеопочвы
нижневолжских степей как индикаторы динамики климата
за историческое время 126

Ставицкий В.В. Погребальный обряд тешской группы
мордовских могильников III–VII вв. 143

Никитина Т.Б. Поясные кошельки/сумочки в средневековых
могильниках Ветлужско-Вятского междуречья 151

Вихляев В.И. Расселение мордвы в III – начале XIII вв. 162

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Отражение социальной
стратификации в погребальной обрядности кочевников
степного Предкавказья золотоордынского времени:
продолжение дискуссии 171

Иванов В.А. Проблема формирования «имперской культуры»
Золотой Орды и ее роли как ареалообразующего фактора
для народов Урало-Поволжья 179

Руденко К.А. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды
(по данным археологии) 189

Публикации

<i>Валиев Р.Р., Пигарев Е.М., Мухамадиев А.Г., Ситдииков А.Г.</i> Археологические исследования «Больничного бугра» Селитренного городища 2006–2009 гг.	212
<i>Полубояринова М.Д.</i> Торговый инвентарь с Болгарского городища	252
<i>Кубанкин Д.А., Сергеева О.В.</i> Клад с Увекского городища (случайная находка 1994 года)	259
<i>Федулов М.И., Волков А.В.</i> Предметная коллекция могильника «Кукшылиды» в фондах Чувашского национального музея (по материалам раскопок П.П. Ефименко 1926 г.)	272
<i>Воробьева Е.Е., Калыгина Ж.С.</i> Погребальная посуда Тихвинского некрополя г. Царевококшайска: предварительные итоги изучения	279
<i>Воробьева Е.Е., Иванова Ю.Н.</i> Нательные кресты царевококшайских некрополей (к вопросу систематизации)	291
<i>Шигапов М.Б.</i> Исследования городища Кашан I в 2012 году	299
Список сокращений	307
Правила для авторов	309

CONTENTS

Zelentsova O.V., Sitdikov A.G. On the anniversary of archaeologist
(Yu.A. Zeleneev is 60 years old)6

Articles

Nikitin V.V. Some problems of early neolithic
of forest belts of the Middle Volga 11

Solov'ev B.S. Cultural components of the Ust-Vetluzhsky burial 18

Chizhevsky A.A. Initial period of investigation the Late Bronze
and Early Iron ages in Volga-Kama area. Field studies 40

Chizhevsky A.A. Initial period of investigation the Late Bronze
and Early Iron Ages in Volga-Kama area. Office analytical studies 64

Yablonsky L.T. Early Sarmatian knight 104

Demkin V.A., *Demkina T.S.*, *Khomutova T.E.*, *Yeltsov M.V.*,
Udaltsov S.N., *Kashirskaya N.N.* Underkurgan paleosoils
of the Lower Volga steppes as indicators of climate dynamics
during historical time 126

Stavitsky V.V. The funeral rite of teshskaya group
of Mordovian burials in III–VII centuries 143

Nikitina T.B. Waist pouches/bags from medieval burial places
of the Vetluga-Vyatka interfluvial area 151

Vikhlyaev V.I. Settling of the mordovians
in the IIIrd – the early XIIIth centuries 162

Chkhaidze V.N., *Druzhinina I.A.* Reflection of social stratification
in funeral ceremonialism of nomads of steppe Ciscaucasia
in the Golden Horde time: discussion continuation 171

Ivanov V.A. The problem of formation of the Golden Horde's
«imperial culture» and its role as an area-forming factor
for peoples of the Ural-Volga region 179

Rudenko K.A. Nomads in Bulgar Ulus of the Golden Horde
(according to archeology) 189

Publications

<i>Valiev R.R., Pigarev E.M., Mukhamadiev A.G., Sitdikov A.G.</i> Archaeological research of the «Bolnichny bugor» of the Selitrennoe settlement in 2006–2009	212
<i>Poluboyarinova M.D.</i> Trading stock from the Bolgar settlement	252
<i>Kubankin D.A., Sergeeva O.V.</i> A hoard from the Uvek settlement (accidental find in 1994)	259
<i>Fedulov M.I., Volkov A.V.</i> Subject collection of burial ground «Kukshylidy» in the funds of the Chuvash national museum (on materials of excavations by P.P. Efimenko in 1926)	272
<i>Vorob'eva E.E., Kalygina Zh.S.</i> The funeral ware of the Tikhvinsky necropolis of the Tsarevokokshaisk: preliminary results of the study	279
<i>Vorob'eva E.E., Ivanova Yu.N.</i> Body's crosses of Tsarevokokshaisk necropolises (to the question of systematization)	291
<i>Shigapov M.B.</i> Investigations on the settlement Kashan I in 2012	299
List of abbreviations	307
Rules for authors	309

Статьи

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАННЕГО НЕОЛИТА ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2013 г. В.В. Никитин

Ставится под сомнение культурная принадлежность ранненеолитических комплексов с плоскодонной посудой, украшенной в технике накола, на территории Марийского Поволжья. Определяется ряд проблем неолитизации Среднего Поволжья: 1) могут ли служить культурным и хронологическим признаком различия в использовании сырья (илистое и глиняное) и примесей в тесте для керамики; 2) проблема установления нижней хронологической границы процесса неолитизации; 3) роль социального фактора в процессе неолитизации; 4) проблема вычленения культуроопределяющих признаков; 5) роль первоисточников и проблема их полноценного использования; 6) проблема выделения оригинальной ранненеолитической культуры в регионе. На основе комплексного анализа материальной культуры носителей плоскодонной с накольчатым орнаментом керамики Марийской низины выделяется дубовско-отарская культура, родственная самарской и верхневолжской, связанная происхождением с лесостепным елшанским образованием.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, ранний неолит, самарская культура, верхневолжская культура, елшанская культура, дубовско-отарская культура, плоскодонная керамика, накольчатый и прочерченный орнамент.

Ранний неолит средневолжского региона начал изучаться А.Х. Халиковым в начале 1950 годов стационарными исследованиями приустьевой части р. Камы и в левобережья марийского течения р. Волги ряда стоянок с оригинальной посудой, украшенной в технике накола или прочерка (Халиков, 1969, с. 40 и след.). С 1980 г. исследованием этой группы памятников занимается В.Никитин (Никитин, 1996, с. 96–114). В результате были получены обширные коллекции материальной культуры, позволяющие дать подробную характеристику ранненеолитических образований в Марийской низине: изучено 36 построек (Никитин, Соловьев, 2002, с. 55–58), учтено более 800 сосудов, несколько

десятков тысяч каменных предметов (Никитин, 2011).

Сосуды тонкостенные (при наличии единичных более толстых) в пределах 0,3–0,6 см. Формовочная масса плотная, однородная, без видимых искусственных примесей. Способ формовки ленточный и лоскутный. По предварительному анализу небольшой серии черепков из Дубовского III поселения Ю.Б. Цетлин (Никитин, 2011, с. 146–148) предположил, что на поселении бытовали, скорее всего, в разное время две родственные группы населения, которые в качестве исходного сырья для сосудов использовали различные виды илистого сырья (одни – природный ил, другие – илистую глину). Более ранняя груп-

па использовала илистое сырье в чистом (природном) состоянии и в него не добавлялись никакие искусственные примеси. Более поздняя группа использовала похожее, но все-таки несколько иное илистое сырье, в которое добавлялся шамот, дробленые черепки в концентрации от 1:3 до 1:6. Их присутствие указывает на то, что традиция была достаточно устойчивой (т.е. она воспроизводилась гончаром неоднократно). Гончарные традиции второй группы сложились, вероятнее всего, где-то за пределами данного поселения и были принесены сюда в готовом виде, поскольку здесь среди изученных материалов не было зафиксировано случаев использования природного ила в сочетании с искусственной примесью шамота. Из этого анализа следует, что на поселении существуют две технологические традиции приготовления сырья. Первая базируется на природных илах без применения искусственных добавок, вторая – на основе илистых глин с применением в качестве отощителя мелкого шамота. Обе технологические линии (в определенном хронологическом горизонте) сосуществуют и применяются в зависимости от источника сырья. Данный предварительный анализ также показывает, что оформление внешней поверхности посуды не зависит от состава формовочной массы, так как одинаковые орнаментальные приемы имеются на сосудах и первой и второй технологической традиции. Исходя из этих наблюдений, можно обозначить проблему причинно-следственных составляющих технологии формовочных масс. Имея два вида базового сырья (ил и илистые глины) необходимо выяснить технологические возможности

той и другой сырьевой базы. Видимо, илы более пластичны, а илистые более жирные. Первые в силу специфического естественного образования в стоячих водоемах (озера, старицы, затоны и т.п.), постепенного наращивания минералов и органики приобретают готовую (однородную) массу, пригодную для изготовления глиняных предметов без дополнительных составляющих. Вторые формируются в прибрежных участках рек и ручьев. Основная составляющая – мелкие частицы глины, песка и других минералов более тяжелых, чем остатки органики выпадают в осадок, а легкие частицы вымываются и уносятся течением. Образовавшиеся вдоль русла отложения в разных местах (в зависимости от ландшафта: лес или степь) могут отличаться степенью запесоченности, что влияет на жирность источника. Жирность же сырья и определяет необходимость добавления отощителя. Поскольку в лесной полосе природно-климатическая ситуация способствует формированию и первого и второго источников, то оба они активно используются. Вопрос состоит в том, в какой календарный период активнее используются тот или другой источник. В теплое время года возможны оба варианта, зимой же старицы и озера покрыты слоем льда и недоступны, а илистые глины более доступны, т.к. большинство мелких лесных рек зимой не замерзают. Отсюда не исключено, что эти два рецепта формовочных масс обусловлены природными возможностями освоенной территории и вряд ли могут служить этнокультурным или хронологическим репером.

Статистически обработано свыше 800 сосудов. Основная форма посуды

– плоскодонная банка с прямыми или незначительно выпуклыми боковинами (горшок). Часть посуды украшена наколами или прочерками. Орнамент разрежен и располагается в основном в верхней и нижней трети сосуда, иногда украшается плоское-плосковогнутое дно. Днища плоские (от 90% до 100%) при наличии округлодонных чаш. Выделено четыре типа посуды: 1 – горшковидный – 48%; 2 – баночный прямостенный – 42%; 3 – профилированный – 4%; 4 – чашевидные – 6%. Характерная черта – пояс округлых ямок по краю горла (на 72% от всей посуды), на отдельных памятниках присутствуют от 64% (на Сутырском V), до 100% (на Нижней Стрелке I). В единичных случаях отмечен желобок по ямочному ряду горловины (на Дубовском III и VII, Отарском VI, Сутырских V и XI), представляя только 0,6 % от всей посуды. Крайне редко применяется орнаментальная нарезка по торцу горловины (4%).

Картографирование памятников с чистыми комплексами плоскодонной посуды с накольчатым и нарезным орнаментом показывает, что их концентрация в основном в левобережье Средней Волги, т.е. в Марийской низине. Самая восточная стоянка расположена в приустьевой части р. Камы (Щербеть II) (Габяшев. 2003, с. 36–63), а западная – в низовьях р. Оки (Велетьма II, см.: Жилин, Энговатова, 1992). Между этими точками стационарными работами изучены стоянки в устье р. Дорогучи (Нижняя Стрелка IV), в устье р. Большая Кокшага (Сосновая Грива), в устье р. Шаленки (Отары XVIII); поселения в устье р. Ветлуги: Сутыри V (две постройки), Сутыри VII (одна постройка), на Воложке Дубовское III (13 построек), Дубовское

VIII (6 построек), на р. Шаленке Отарское VI (16 построек). Кроме того, собран материал ранне-неолитической поры (разведки, раскопки многослойных памятников) еще в 60 пунктах. Существенным является наличие постоянных долговременных поселений с системой стоянок и кратковременных стойбищ, свидетельствующих о сложной социальной организации общества, формирующейся на развитии базовых принципов коллективно-целевых программ жизнеобеспечения, заложенных еще на бескерамической стадии каменного века.

Отмечая принципы топографического размещения поселков и кратковременных стойбищ, по набору каменного инвентаря – индикатора основных хозяйственных направлений, планиграфии интерьера жилищ, наличия отдельных производственных и жилых построек в раннем неолите и «позднем мезолите», мы сталкиваемся с проблемой хронологического разделения искусственно созданного разграничения процесса неолитизации в лесной полосе. Здесь вырисовывается проблема определения признаков неолита, в особенности в лесной полосе, где уже в конце мезолитической эпохи (по принятой у нас периодизации) возникли не только предпосылки к переходу на более высокий уровень социального и экономического развития в силу возросших возможностей организации жизнеобеспечения, позволивших получать избыток продуктов и делать запасы, но и более рационально выстраивать организационную систему жизнедеятельности коллектива. Все это вело к улучшению условий жизни, а в итоге к демографическому взрыву, отразившемуся в резком увеличении постоян-

ных поселений на грани мезо-неолита (Никитин, 1996, с. 13–14), обеспеченного интенсификацией традиционных форм хозяйственной деятельности, регулируемых уже целевых временных или сезонных коллективов формирующимся органом старейшин. Создается примитивная специализация отдельных отраслей экономического обеспечения, грядущий прообраз ремесленных образований.

Свидетельством наступивших преобразований в экономической деятельности могут привлекаться появившиеся нововведения в наборе каменного инвентаря в позднемезолитическое время: широкий ассортимент деревообрабатывающих орудий (клинья, топоры, долота, тесла, стамески, ложки, скребла, крупные скобели), позволяющие производить различные деревообрабатывающие операции, начиная с валки деревьев до расщепления бревен на доски, последующей их обработкой, вплоть до шлифовки. В связи с этим встает проблема определения места и времени начала данного процесса. Насколько мне известно, в Поволжье нет убедительных аргументов, свидетельствующих о непрерывном поступательном развитии и дальнейшем вращении культуры мезолита в неолитическую. Пока, с некоторой долей вероятности, мы можем привлечь в качестве некоторого «эталона» материалы Марийского Поволжья, где изучены многочисленные комплексы материальной культуры мезолита и раннекерамические, достаточно корректно сопоставимые и не противоречащие гипотезе плавного и безболезненно вливающих носителей керамики в местную мезолитическую среду.

Комплексное сопоставление материалов раннеолитического периода (имеется в виду территория Волжского бассейна) не дает ответа на вопрос первичного появления здесь керамики. Существующие абсолютные даты в том виде, в котором известны, слишком условны и противоречивы. В любом случае они не дают оснований для серьезных культурно-хронологических построений. Любой предполагаемый очаг распространения керамики не дает четкой цепочки проникновения. Отдельные элементы или формальные признаки (форма, венчик, дно, орнамент и пр.) нигде не подаются в комплексе, в лучшем случае приводятся единичные экземпляры в качестве доказательства родства (биконический, профилированный, коническое дно и т.д.), но это прошедшее время. Что было привычно и принято в конце 50-х годов прошлого столетия, не приемлемо на данном этапе. Сейчас значительно (в разы) расширилась источниковая база, требующая от ученого, претендующего на серьезные обобщающие построения, владения этими источниками и не только по отдельным (выборочным) публикациям, уводящих исследователя к далеким связям через огромные расстояния, без каких-либо связующих признаков между сравниваемыми предметами.

В последнее время стало обыденным выхватывать из контекста коллекции, серии дат или других естественных анализов удобные для своих схем моменты. В итоге ученые не получают всей информации или же используют искаженную (невольнo) картину истинного положения вещей, ведущую к ухудшению и до этого давно «испорченного телефона». Отсюда следующая проблема – проблема перво-

источника. Мы все смертные и знаем условия хранения коллекций каменного века в вузовских и региональных хранилищах. Если их не опубликовать при жизни исследователя, то нет никакой гарантии, что они уцелеют для будущих поколений археологов. Публикация материалов раскопанных памятников способствовала бы решению еще одной проблемы – проблемы выделения культур и культурных общностей, объединенных системой культуроопределяющих элементов.

Рассматривая ранненеолитические комплексы (в основном керамические) лесостепного и лесного Поволжья, исследователи выделяют ряд культур (елшанская, самарская, волгоуральская, верхневолжская), характеризующихся наличием двух типов посуды: 1 – плоскодонная и остро/шиподонная с накольчатым и прочерченным орнаментом, 2 – близкие формы, но с гребенчатым орнаментом. Хронологическая позиция второго комплекса неустойчива и определяется в пределах от раннего до позднего неолита. Из этого круга выпадают чистые комплексы плоскодонной с накольчатым орнаментом посуды типа Щербетской II, Дубовской III, Велетьминской II (ввиду отсутствия здесь конических днищ и гребенчатых орнаментов), присутствующие в определенном количестве во всех культурах Поволжья в раннем неолите. Данный тип посуды был выделен Ю.Б. Цетлиным еще в начале 1980-х годов, который предложил обозначить его термином «волго-окская неолитическая культура» (Цетлин, 1982, с. 162.) Позже этот тезис был поддержан В.В. Никитиным (Никитин, 2002, с. 303).

В системе верхневолжской культуры данная группа посуды была от-

несена к более древнему периоду, чем группа с гребенчатым орнаментом (Костылева, 1987, с. 7).

Включение данного типа посуды в любое из указанных здесь культурных образований непременно приводит к явному противоречию с основными показателями формы и орнаментации как самарской, так и верхневолжской гончарной традиции. Выходит, что посуда щербетско-дубовского типа представляет оригинальную этнографическую группу, генетически близкую культурам елшанского круга, распространение которой возможно по двум направлениям: 1 – связана с верхневолжской культурой раннего этапа; направление движения вниз по Волге и далее вверх по Каме; 2 – связана с елшанской культурой (не на ранних этапах); отпочковавшиеся от этой культуры коллективы одновременно продвигались по Волге и ее притокам в пределах среднего течения. Одни коллективы, заняв Самарское Поволжье и Волго-Уральское междуречье, создали самарскую культуру, вторые по правобережным притокам (Ока и Сура) двинулись к Волге, по которой рассредоточились в низинных районах волго-окского (в том числе и Марийской низины) бассейна.

Как известно, в основных ранне-неолитических памятниках елшанской, самарской и верхневолжской культур ограничен набор каменного инвентаря в силу многослойности изученных памятников. Это обстоятельство не позволяет в полной мере воссоздать хозяйственную модель, как впрочем, и отсутствие постоянных поселков делает невозможным реконструкцию семейно-общинного устройства, что, в свою очередь, не позволяет сопоставлять уровень

социально-экономических отношений рассматриваемых культур. Данное обстоятельство выдвигает проблему реконструкции социально-экономических отношений в ранне-неолитических коллективах. Естественно предположить более высокую степень общественного развития населения ранне-неолитической елшанской культуры от предшествующих ей мезолитических образований, но предмета сравнения нет.

Сложность определения степени родства со степными культурами Нижней Волги или лесостепной (елшанской) затрудняет и поиски первичного источника или очага распространения плоскодонной посуды с накольчато-прочерченным (резным) орнаментом. С одной стороны, мы отмечаем характерные нижеволжские черты: преобладающая прямостенная плоскодонная банка, треугольный накол в отступающей технике, с другой – елшанские: профилированность, ямочный пояс по краю горла, насечки, орнаментация среза венчика (отмечаются профилированная на Отарской VI – 1%, Дубовское VIII – 5,5; орнаментация среза венчика соответственно 1,3% и 5,5%; ямочный пояс под краем венчика отмечен на посуде всех изученных памятников от 86 до 100%).

Отсюда возникает еще одна проблема – нет четких культуроопределяющих признаков елшанского гончарного комплекса. Естественная составляющая формовочной массы сосудов не может служить культурным признаком, т.к. она отражает только состояние источника сырья и

вряд ли запесоченные или илистые глины и илы Самарского Поволжья могут существенно отличаться от таковых на Средней Волге или Каме.

Касательно материалов Марийского Поволжья (как, впрочем, и всего комплекса плоскодонной посуды с накольчато-прочерченным орнаментом без присутствия в нем гребенчатых орнаментов и конических днищ) можно с уверенностью указать на нижеволжские истоки опосредовано через елшанскую культуру параллельно с формированием средне-волжской культуры.

И, наконец, проблема определения культурного статуса неолитического образования с керамическими комплексами плоскодонной посуды. Поскольку в обзорах ранне-неолитических культур Поволжья не находится места для марийских древностей, то из этого следует: 1 – признать марийские (подобные им) образования вариантом родственной культуры (верхне-волжской, самарской), 2 – выделить данный тип памятников в отдельную культуру (что было бы, на мой взгляд, более правильно) и по территории концентрации их назвать культуру дубовско-отарской. Для такого статуса данная группа памятников имеет общую территорию Поволжья, ограниченную на востоке устьем Камы, на западе – устьем Оки, топографию расселения, планиграфию поселков и типы построек, а также общую (сложившуюся еще на докерамической стадии) технолого-типологическую традицию каменной индустрии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Габяшев Р.С.* Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. – Казань, 2003.

2. Жилин М.Г., Энговатова А.В. Стоянка Велетьминская 2 – памятник накольчатой керамики на Нижней Оке // РА. – 1992. – № 1. С. 95–109.
3. Костылева Е.Л. Хронология, периодизация и локальные варианты верхне-волжской ранненеолитической культуры // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987.
4. Никитин В.В. Каменный век Марийского края. (Тр. МАЭ. Т. IV). – Йошкар-Ола, 1996.
5. Никитин В.В. Культура носителей посуды с накольчатым орнаментом в лесной полосе Среднего Поволжья (к проблеме происхождения) // Тверской археологический сборник. Вып. 5. – Тверь, 2002.
6. Никитин В.В. Ранний неолит Марийского Поволжья. (Тр. МАЭ. Т. IX). – Йошкар-Ола, 2011.
7. Никитин В.В., Соловьев Б.С. Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы) // Тр. МАЭ. Т. VII. – Йошкар-Ола, 2002.
8. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1969.
9. Цетлин Ю.Б. Неолитическая керамика стоянки Ивановская VII // КСИА. – 1982. – № 169.

Информация об авторе:

Никитин Валерий Валентинович, доктор исторических наук, Марийский НИИЯ-ЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

SOME PROBLEMS OF EARLY NEOLITHIC OF FOREST BELTS OF THE MIDDLE VOLGA

V.V. Nikitin

The cultural identity of the Early Neolithic assemblages of flat-bottomed stroke-ornamented pottery, discovered in the territory of the Mari Volga region is contested. A number of problems concerning the process of the Middle Volga region Neolithization are identified, namely: 1) whether the differences in the use of raw materials (silt and clay) and temper types for ceramic fabric can serve as cultural and chronological features; 2) the problem of fixing the lower chronological limit of the process of Neolithization; 3) the role of the social factor in the process of Neolithization; 4) the problem of the culture determining features identification; 5) the role of primary sources and the problem of their fully fledged use; 6) the problem of identifying the original Early Neolithic culture in the region. Based on a comprehensive analysis of the material culture of the flat-bottomed stroke-ornamented pottery people who had inhabited the Mari Depression, it is possible to identify the Dubovskoye-Otary culture that is similar with the Samara and the Upper Volga ones and genetically related to the forest-steppe Yelshanka formation.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, the Early Neolithic, the Samara culture; the Upper Volga culture, the Yelshanka culture, the Dubovskoye-Otary culture, flat-bottomed ceramics, stroked and incised ornamentation.

REFERENCES

1. Gabyashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam'ia v V–III tysiacheletiiakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennia BC)*. Kazan: “Fän” Publ. (in Russian).
2. Zhilin, M. G., Engovatova, A. V. 1992. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 95–109 (in Russian).

3. Kostyleva, E. L. 1987. *Khronologiya, periodizatsiya i lokal'nye varianty verkhnevolzhskoi ranneneoliticheskoi kul'tury (Chronology, Periodisation and Local Variations of the Early Neolithic Upper Volga Culture)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
4. Nikitin, V. V. 1996. *Kamennyi vek Mariiskogo kraia (Stone Age of the Mari Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IV. Yoshkar-Ola (in Russian).
5. Nikitin, V. V. 2002. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 5. Tver, 293–303 (in Russian).
6. Nikitin, V. V. 2011. *Rannii neolit Mariiskogo Povolzh'ia (Early Neolithic of the Mari Vloga Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IX. Yoshkar-Ola (in Russian).
7. Nikitin, V. V., Solov'ev, B. S. 2002. *Poseleniia i postroiki Mariiskogo Povolzh'ia (epokha kamnia i bronzy) (Settlements and Dwellings of the Mari Volga Region: Stone and Bronze Ages)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) VII. Yoshkar-Ola (in Russian).
8. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Tsetlin, Yu. B. 1982. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 169, 7–12 (in Russian).

About the Author:

Nikitin Valeriy V. Doctor of Historical Sciences. Mari El Language, Literature and History Research Institute named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru